

Карл ПРОФФЕР

**Остановка в сумасшедшем доме:
поэма Бродского «Горбунов и Горчаков»***

<...>

Бродский — гений-самоучка, и он прошел нелегкий путь от первого, судя по всему, слабого стихотворения о смелом товарище по геологической экспедиции до опубликованного в Нью-Йорке сборника «Остановка в пустыне» — лучшей поэтической книжки, выпущенной молодым русским поэтом со времен двадцатых годов. Особенно удаются Бродскому длинные стихи-поэмы, такие как «Большая элегия Джону Донну» и «Исаак и Авраам». Но даже эти великолепные вещи не достигают по уровню совершенства «Горбунова и Горчакова», произведения, которое лишний раз подтверждает мнение многих любителей поэзии в Советском Союзе, считающих Бродского лучшим из живущих русских поэтов. Это трудная и стимулирующая мысль философская поэма, со сложной образностью, с необычайной словесной изобретательностью**.

Оригинальность «Горбунова и Горчакова» начинается с формы.

Поэма состоит из 14 главок, каждая из которых содержит 100 строк пятистопного ямба. Бродский — мастер строфики, и двенадцать из четырнадцати главок написаны «горбуново-горчаковской строфой»: 10 строк с пятикратной рифмой aBaBaBaB (чередующая мужские и женские). Главки 5-я и 10-я, озаглавленные «Песня в третьем лице» и «Разговор на крыльце», отличаются от остальных по своей структуре. «Разговор» содержит 5 строк

* Впервые: A stop in the Madhouse: Brodsky's "Gorbunov and Gorchakov" // Russian Literature. Triquarterly. 1971. No 1. Fall. Печатается с небольшим сокращением по: Поэтика Бродского: сб. статей / Под ред. Л. В. Лосева. Tenafly, New Jersey: Эрмитаж, 1986.

** На вопрос, что создает великого писателя, Бродский ответил, что, прежде всего, ощущение масштаба вещей и осознание своего места в цепи вещей и событий.

по 20 строк каждая, с переменной рифмовкой. «Песня» и «Разговор» разбивают поэму в симметричных точках: четыре главки помещены между этими двумя, четыре — до, четыре — после. Другой элемент симметрии состоит в том, что «Песне» предшествуют две главки, озаглавленные «Горбунов и Горчаков» плюс одна названная «Горбунов в ночи» и одна — «Горчаков и врачи». «Разговору» предшествует та же последовательность главок, только теперь мы имеем «Горчаков в ночи» и «Горбунов и врачи». Это не просто формальные параллели; тематические параллели также связывают эти два «больших отступления» (темы «слов», «молчания», диалога и «сказал» или «он-сказал»). Обе главки заканчиваются параллельным использованием имен главных героев. Темы из «Горбунова в ночи» повторяются в «Горчакове в ночи».

Бродский — не тот поэт, который стал бы избегать трудностей. К строгим требованиям строфики он добавляет другую задачу: вся поэма представляет из себя диалог. Более того, диалог дается непосредственно, без единого глагола, указывающего на говорящего. Приходится следить за тем, кто говорит — Горбунов, Горчаков, врачи или другие больные, — без обычных графических указателей. И это не просто эксцентричность, но, как я постараюсь показать, вытекает из центральных идей поэмы.

Главные темы поэмы — страдание, разлука, одиночество, несправедливость в мире людей и безумный мир как дурной сон. Горбунов и Горчаков (и сама поэма, и герои) спрашивают, как эти понятия могут быть определены, измерены, каково место человека в великой цепи событий, как все это переживается и преодолевается людьми различного склада.

Горбунов и Горчаков — оба пациенты сумасшедшего дома вблизи Ленинграда. Между концом января и мартом, большей частью по ночам, они ведут беседы о своих снах и о сумасшедшем доме, их разговоры прерываются стычками с врачами.

Самопогруженность и философичность Горбунова достигают опасной степени. Он — идеалист, обвиняемый в том, что «выражает беспартийный взгляд на вещи», что «ряд его высказываний внове для нас», что преувеличивает важность внутреннего мира, ставя его над внешним. В минуту озлобления Горчаков говорит: «Могилы исправляют горбунов»*. Врачи относятся к пациентам враждебно, особенно к Горбунову; их подход к жизни материалистичен. Они находят у Горбунова «редкостную насыщенность крови азотом, разложившим аппарат самоконтроля». Отсюда и его болезненные сновидения о лисичках и морях. По мнению врачей,

* Пример игры со словами и именами, характерный для Бродского.

он безобразен, лицо его ассиметрично, изуродовано распухшими венами, для женщин он непривлекателен; они даже считают, что его половые органы имеют отклонения от нормы и говорят ему, что такие «отбросы» не имеют права на потомство. У Горбунова была жена; он нарочно постарался сделать ей ребенка, чтобы она не ушла от него, но она все равно оставила его (забрав с собою дочь). Теперь, преследуемый галлюцинациями и голосом, обращающимся к нему из тишины (и из его собственных уст), он проводит время, исследуя природу любви и страдания. Его сны о лисичках и море считаются нездоровыми. А главное, он религиозен (это одно из обвинений против него). В поэме часто упоминаются Крест, Христос, Голгофа и Страшный суд.

Горчаков пассивнее, практичнее, прозаичнее. Он материалист — образы, используемые им, тяготеют к миру физическому. Например, когда Горбунову кажется, что мозг его раскалывается на две половины, двоится, Горчаков (в симметричной точке повествования) видит комнату, раздваивающуюся в зеркале окна. Горчаков видит вещи такими, как они есть, в их материальной оболочке, не пытаясь касаться философских аспектов восприятия и бытия. Он верит, что «бытие определяет сознание», но Горбунов говорит, что как раз наоборот («Прочел бы это справа ты налево»). Для Горчакова сны — просто остатки дня, с которыми интереснее засыпать. Он доносит врачам о том, что у Горбунова еретические взгляды, и в качестве вознаграждения его собираются выпустить на Пасху.

В конце, однако, коварные идеи и сны Горбунова, кажется, заражают Горчакова. В последней главке голоса поэмы говорят нам, что Горбунов заснул, тем самым отказав Горчакову в существовании и предпочтя реальность своих снов (или вечности) — то есть того, что он видит, закрыв глаза. Поэма кончается сценой, в которой Горчаков сидит рядом с Горбуновым, воображая, что Горбунову снится море, и обещающая охранять его сон (как душа Джона Донна хранит его сон в конце поэмы Бродского «Большая элегия Джону Донну»). Впрочем, будет правомочно интерпретировать конец поэмы и как смерть Горбунова, а не как сон*. Нигде не сказано, что он умер, но он «засыпает» посреди шумной драки, когда все остальные действуют весьма активно. Правда, Горбунов произносит несколько слов после того, как кулак Горчакова ударил его. Но на смерть героя намекают и разговоры о вечности и смерти, и вариации на темы

* Я обсуждал это с Джорджем Клайном, который знает поэзию Бродского лучше любого человека за пределами Советского Союза. По его мнению, финал поэмы будет гораздо менее значительным, если его не интерпретировать как смерть Горбунова.

монологам Гамлета «Быть или не быть» встречаются в поэме. В некотором смысле «заснуть, видеть сны» означает умереть.

Хотя повторные прочтения открывают искусное размещение тем и взаимосвязь образной ткани, с первого чтения (да и со второго) «Горбунов и Горчаков» производит впечатление запутанной поэмы. Не во всех случаях удается отличать голос Горбунова от голоса Горчакова. Темы даются фрагментарно. Идеи обсуждаются, отвергаются, затем возникают снова — и так по несколько раз. Каждая тема имеет множество вариаций. Тон то печальный, то веселый, то трагический, то ироничный. Символический смысл снов ясен не всегда. Так как метафоры следуют одна за другой, образная ткань делается крайне насыщенной: моря, острова, реки, грибы, яблоки, астрология, раздвоения, распятие.

Все еще более усложнено главкой «Песня в третьем лице», где приходится привыкать к тому, чтобы прочитывать *сказал он* и *он ему сказал* как существительные — причем существительные, которые могут склоняться.

«И он ему сказал». «И он ему
сказал». «И он сказал». «И он ответил».
«И он сказал». «И он». «И он во тьму
воззрится и сказал». «Слова на ветер».
«И он ему сказал». «Но, так сказать,
сказать “сказал” сказать совсем не то, что
он сам сказал». «И он “к чему влезать
в подробности” сказал; все ясно. Точка».
«Один сказал другой сказал струит».
«Сказал греха струит сказал к веригам».
«И молча на столе сказал стоит».
«И, в общем, отдает татарским игом».
«И он ему сказал». «А он связал
и свой сказал, и тот, чей отзвук замер».
«И он сказал». «Но он тогда сказал».
«И он ему сказал; и время занял»*.

Другие элементы литературной игры тоже встречаются в изобилии — каламбуры, аллюзии**, пародии***, палиндромы****. Такую поэму было нелегко написать, и читать ее тоже нелегко.

* Например, строки «Пучина бытия, откуда все мы, / как витязи явились так давно» (XIII, 4) — аллюзия к «тридцати витязям прекрасным» из пушкинской «Сказки о царе Салтане».

** «...Теперь он вождь народов и племен» / «Панмонголизм! как много в этом звуке» (XI, 6) пародирует знаменитую поэму Блока «Скифы», а вернее, эпиграф к ней, взятый из стихотворения Владимира Соловьёва.

*** См. строчку «Прочел бы это справа ты налево» (XI, 5).

**** Это короткое эссе не отдает должного остроумию и словесной изобретательности поэмы, в которой наиболее блистательным примером и того,

Своеобразие Бродского в Советском Союзе состоит в том, что он размышляет. Но он оставался бы оригинальным где угодно, потому что он размышляет по-своему*. Однако было бы неправильно рассматривать «Горбунова и Горчакова» как иллюстрацию к какой-то философской системе или четкой идее. Это испытующая поэма. Афоризмы и определения представлены в ней не как абсолюты, но как темы для обсуждения. Обобщения и афоризмы рассыпаны в тексте в великом множестве. И их истинность опирается не столько на логику, сколько на инстинкт. Так, когда Горчаков говорит: «Находчивость — источник суеты», Горбунов отвечает: «Я не уверен в этом афоризме. / Душа не ощущает тесноты» (II, 10). Таким образом, оказывается невозможно «истолковать» поэму, сказать, что Бродский «ставит такой-то вопрос и так-то на него отвечает». Мы можем взять пример с Горчакова. Когда он спрашивает Горбунова, «что есть любовь», и тот отвечает, что уже говорил об этом выше, Горчаков замечает: «Но в каждом звуке / другие рубежи и этажи» (XII, 5). «Горбунов и Горчаков» представляет из себя поэтическое исследование этих различных оттенков возможного осмысления.

Религиозные образы являются постоянной чертой поэзии Бродского. Врачи считают эти тенденции паталогией, когда обнаруживают их в Горбунове. Мы узнаем, что страдания Горбунова будут

и другого является «Песнь в третьем лице». Рифмовка предъявляет невероятно трудные требования, но Бродский обычно успешно избегает монотонности. Я полагаю, что причина, по которой выбрана звучная пятикратная рифмовка, в следующем: в поэме два голоса, а просодической аналогией двух голосов является парная рифма, или эхо, в каждой строфе. Фонетически «Горбунов» и «Горчаков» созвучны, как эхо. Последнее слово первой строки первой строфы — «Горбунов», в конце первой строки следующей строфы — «Горчаков», и это определяет собой то, что поэма открывается десятикратным повторением рифмы на «-ов». Среди рифмующихся слов находим слово «основ», содержащее в себе ключевое слово «снов» — важное как ключевой афоризм поэмы: нормальный сон и сны — «основа всех основ». Подобная же игра имеет место со словами, содержащими в себе слово «крест».

Есть много остроумных переходов, построенных на повторяющихся образах. Например, первая глава заканчивается сценой, в которой Горбунов изображен метафорическим рыбаком на Неве. Затем в начале следующей главы обсуждаются астрологические символы текущего месяца (февраля), связанные с «водяной» образностью предыдущей сцены: «Вторая половина февраля / отмечена уходом Водолея, / и Рыбы водворяются, суля...» Прыжок от земли к небесам и первый разговор о звездах завершается таким образом тем, что аналогичные образы найдены в совершенно различных сферах.

* Баратынский, по мнению Бродского, лучший русский поэт.

длиться так же долго, как история Исхода. Он говорит, что чем больше он страдает в этом мире, тем легче ему будет на Страшном суде и после (III, 1). Что еще важнее, его страдания часто сравниваются со страданиями Христа. В сущности, именно при обсуждении темы страдания религиозные образы используются чаще всего. Проводя параллель между Горбуновым и Христом, Горчаков говорит: «Он тоже вроде был приговорен» (XI, 6). Горбунов даже повторяет слова Христа «Почто меня покинул» (IX, 9). За донос на Горбунова Горчаков будет освобожден к Пасхе. Во время разговора с врачами о Горбунове Горчакову внезапно является видение Христа в пустыне (IV, 5); пустыня названа «враждебной средой» — те самые слова, которые Горбунов дважды использует для обозначения сумасшедшего дома. При перечитывании можно обнаружить игру слов с политическим подтекстом, когда Горчаков говорит Горбунову, что Кресты (тюрьма в Ленинграде) «ждут таких истуканов», как он (I, 6). Читателю ясно, что Горбунов в своем уме и что его бессрочное заключение в сумасшедшем доме обусловлено его философскими взглядами — политически неприемлемыми.

Больше всего Горбунов страдает от одиночества, которое он испытывает из-за утраты столь горячо любимых жены и ребенка. Даются различные определения любви. Любовь — «разлука с одиночеством». Это также «возможность наклониться к изголовью / и к жизни прикоснуться в тишине / дыханием, руками или бровью» (II, 5). Горчаков высказывает предположение, что любовь есть форма воскресения, на что Горбунов возражает: «Вы либо небожитель; либо вы / мешаете потенцию с любовью» (X, 3). Будущее любви — молчание. В конце Горбунов говорит: «Любовь есть предисловие к разлуке» (XII, 5)*. Грибы, о которых грезит Горбунов, в первую очередь — фаллический символ, но также расширяются как любовь к женщине. Когда у него прекращаются сны о лисичках, он говорит «увы», на что врач замечает, что это характерная реакция мужчины на смерть или уход женщины (IX, 4). Горбунов говорит, что Христос, по крайней мере, не был осужден на разлуку, как он; а если предстоит расстаться навеки, мрак становится таким черным, что его почти видно — аллюзия милтоновского ада.

Многие сны Горбунова имеют сексуальный характер. И в общем словарь поэмы часто натуралистичен — упоминаются пенисы, моча, испускание газов и т. д. (Это, конечно, находится в сильном

* Он говорит, что, если это неправда, он станет «памятником лжи» — аллюзия к заключительной строке стихотворения самого Бродского «Памятник».

противоречия с правилами советской литературы.) Лисички Горбунова — сексуальны. Он также размышляет насчет «клубнички», и в связи с этим мелькает комментарий «то самое, в штанах?» (I, 8). Потом он воображает, что «клюют его синички» (там же). Сама жизнь — сон (XIII, 5). Спать и видеть сны — значит убежать от мрака реальной жизни, которую он знает (XIII, 9). И действительно, в своих снах Горбунов видит вещи более отчетливо, чем Горчаков, — как, например, в конце поэмы. В последнем сне Горбунова (или в его смерти) Горчакову кажется, что он видит его бредущим «сквозь волны коридором», поднимаются чудесные пузырьки, но последовать за ним Горчаков не может. И в этом снова мы видим сходство Горбунова с Христом — ранее в поэме тоже встречаются два завуалированных упоминания об идущем по водам.

Горбунов и Горчаков — два главных голоса поэмы. Но рассматривать ли их как два отдельных персонажа или нет, зависит от того, как мы интерпретируем поэму: а) как подлинный диалог между двумя пациентами; б) как шизоидный монолог одного человека. Когда Бродского спросили, как управляться с трудностью и различать, кто говорит в данный момент, и высказали предположение, что это, может быть, и неважно, потому что говорит всегда один, он сказал — нет, двое и их нужно различать. Но тут же он передумал и сказал — да, пожалуй, говорит один. Сама поэма не дает однозначного ответа. С одной стороны, мы имеем факт, о котором говорят другие пациенты и врачи: их двое и в конце один спит, а другой сторожит его сон. С другой стороны, существование Горчакова постоянно представляется зависящим от Горбунова. Говорится, что Горчаков просто «молчание» Горбунова (XI, 10), просто его «эхо» (VIII, 10); он говорит, что существует только в разговорах с Горбуновым: «Ибо чувствую, что я / тогда лишь есмь, когда есть собеседник! / В словах я приобщаюсь бытия!» (VIII, 6). Где-то ранее Горчаков изумляется, обнаружив, что говорит словами Горбунова (IV, 10). Шизоидную интерпретацию подкрепляет еще одно замечание Горбунова, в котором он характеризует себя как человека, говорящего двумя голосами: «Ночь. Губы на два голоса поют» (III, 7).

Он говорит, что его раздвоенность необходима, чтобы одолеть одиночество (III, 8), и он взывает к Богу, прося его услышать два голоса, исходящие из одних и тех же уст:

«Ты, Боже, если властен сразу двум,
двум голосам внимать, притом бегущим
из уст одних, и видеть в них не шум,
а вид борьбы минувшего с грядущим,
восхит к Себе мой кашляющий ум,
микробы расселив его по куцам,

и сумму дней и судорожных дум
 Ты раздели им жестом всемогущим.
 А мне оставь, как разность этих сумм,
 победу над молчаньем и удушьем» (III, 9).

Итак, можем ли мы отличить одного от другого? Один из возможных ответов дается в конце десятой главки:

«Как различить ночных говорунов,
 хоть смысла в этом нету никакого?»
 «Когда повыше — это Горбунов,
 а где пониже — голос Горчакова».

Возможно, их двое, а возможно — только один, но нет смысла пытаться прийти к определенному выводу. Почему? Ответ мы находим в «Песне в третьем лице», этом дивном даре Бродского русскому языку. Здесь нам дано понять, что «Горбунов и Горчаков» представляет собой платоновский идеал диалога. Это диалог в самой своей сути, в добытийной чистоте, не засоренный всевозможными «он сказал», раскованный рассказчиком, не раздробленный паузами, куда вставляют «он сказал» или «и потом он сказал». *Сказал* пахнет татарским игом. («И молча на столе сказал стоит». / «И, в общем, отдает татарским игом».) На то, чтобы произнести *сказал*, уходит время, а это создает молчание (в промежутках реальной речи). Косвенная речь (с использованием *сказалов*) на самом деле прямая (без них), когда говорится, что «И косвенная речь, / в действительности, самая прямая» (V, 5). *Сказал* соединяет вещи. Говорится, что Горбунов и Горчаков пребывают в *Он Ему Сказал*. Они никогда не замолчат. («Когда они умолкнут?» «Никогда».) И вглядываясь в это,

мы как бы приобретаем высот,
 достигнутых еще до разговора (V, 5).

Так, непрерываемые словесными отбросами поясняющих вставок, из этой дыры в космосе (как часто называют в поэме сумасшедший дом) два голоса говорят о вечном человеческом одиночестве и страдании.

